

Алек Д

Пролог

Самая сильная ненависть — порождение самой сильной любви.

Томас Фуллер

Наши дни, США, штат Огайо, Кливленд

Реджина

Мы никогда не должны были снова встретиться. Никогда. Эта мысль прочно засела в моей голове, и я повторяла ее как мантру снова и снова, пока гнала красный «лексус» на бешеной скорости вдоль береговой линии озера Эри все дальше от Кливленда. В окно моросил дождь, как обычно бывает в это время года, монотонно стуча в стекло. Мимо мелькнул огонек самого древнего из ныне действующих маяков Великих озер. Дождь усиливался, и дворники на лобовом стекле не справлялись, ухудшая видимость до минимума. Наплевав на здравый смысл и инстинкт самосохранения, я прибавила скорость, сворачивая на второстепенную дорогу, ведущую напрямик к особняку в пустынном холмистом пригороде Кливленда. Находящийся на возвышении дом из стекла и бетона с окнами во всю стену и развлекательной площадкой на крыше уже появился в зоне моей видимости, всколыхнув в душе ненужные воспоминания. Закусив губу, я непроизвольно сбросила скорость, разглядывая хрустальный

замок, с крыши которого открывался фантастический вид на озеро. Когда-то он был моим домом, не совсем моим и очень недолго, но все-таки был.

Мы не должны были встретиться снова.

Я от всего отказалась ради того, чтобы он позволил мне.

Никогда не видеть его снова.

К черту обещания. Он никогда не держал ни одно из тех, что давал мне. Я ненавижу его больше, чем способен один человек ненавидеть другого. Больше, чем сама от себя ожидала. Но меньше, чем он заслужил.

И если мои пальцы одна за другой дергают из пачки сигареты, значит, он победил. Снова.

Мне не все равно. И никогда не будет все равно.

Быть равнодушным циничным эгоистичным ублюдком — исключительно его прерогатива. Его любимая роль, маска, которая никогда не жмет и срослась с омерзительно красивым лицом так плотно, что не оторвать. Хренов кукловод, который чувствует себя королем мира настолько, что верит в то, что именно им и является.

Мне казалось когда-то, *что я знаю его.*

Мне просто казалось.

Неужели я верила, что все закончится? Что Рэнделл Декстер Перриш оставит меня в покое просто потому, что ему надоело играть и я выполнила возложенную на меня миссию?

Что, если он никогда не переставал играть? А четыре года моей семейной жизни были лишь эпизодом, небольшим подарком за отлично проделанную работу?

Моя голова взрывалась от миллионов «если» и «может быть».

Мы никогда не должны были встретиться снова... и вот я поднимаюсь по парадной лестнице к дверям огромного стеклянного особняка, состоящего практически из одних окон. Мастер создавать иллюзии. Я знаю, что эти стены

защищают надежнее бетонных глыб. Никто никогда не доберется до настоящего Рэнделла, никто никогда даже мельком не сможет взглянуть на то, как он живет и чем дышит, никто никогда даже на йоту не приблизится к тому, чтобы понять, что скрывается за холеной внешностью миллиардера, заработавшего свой первый миллион в восемнадцать лет. Ему достались феноменальные способности и нервная система шизофреника с манией величия.

Он вытащил меня с благотворительного вечера всего одним сообщением. Ему даже звонить не пришлось. Не удосужился.

«Ко мне, Кальмия».

И я здесь, как чертов питомец, которого призвал хозяин.

— Что ты хочешь? — сразу перехожу в наступление, когда вижу его в полумраке гостиной.

Горит нижний свет, но его достаточно, чтобы я узнала в высокой мощной фигуре Рэнделла Перриша и чтобы каждая клетка моего тела вспыхнула от ярости и негодования. И от отчаянного желания заскулить и упасть к его ногам, чтобы умолять оставить мне мою жизнь. Он стоит у стены и смотрит прямо на меня, стряхивая пепел с сигареты на мраморный пол, такой же холодный и идеальный, как хозяин дома. Не помню его курящим. То же самое он может сказать про меня. У него серые глаза, но отсюда они кажутся черными, и я невольно сравниваю их с дулом пистолета, приставленного к виску. Рэнделл умеет убивать взглядом, и именно это сейчас происходит со мной. Весь воздух выходит из моих легких, и я прижимаю ладонь к горлу, ощущая себя еще более жалкой и беспомощной. Иногда я думаю, почему он все еще жив, имея столько врагов? Почему никто до сих пор не добрался до него? Неужели нет силы, способной сокрушить этого отморозка?

И почему весь город закрывает глаза на его преступления?

Мне хочется вклеить самой себе пощечину.

Очнись, идиотка. Ты знаешь почему. Ты сама в этом участвовала. Совсем недолго. Можно сказать, что тебе повезло.

— Ты немного возбуждена, Алисия, — совершенно спокойным голосом произносит он, и я вздрагиваю, когда эти хрипловатые чувственные вибрации проходятся по моему телу, вызывая мелкую дрожь. Взгляд и мозг — не единственное его оружие.

— Даже если и так, то ты вряд ли знаешь, что это такое! — бросаю я, хотя понимаю, что избрала неверную тактику. Дразнить зверя на его территории чревато, но что мне может угрожать? Я не видела других машин на стоянке. А сам он меня не тронет.

— Пойдем со мной, Алисия, — он в два шага оказывается возле меня, и не успеваю я даже глазом моргнуть, как он берет мою руку и от соприкосновения моей кожи с его мне хочется зашипеть, но я с невероятным усилием сдерживаю себя. Если буду рычать и показывать зубы, то только продлю агонию.

Мне нужно знать, чего он хочет.

И поэтому я позволяю ему вести меня к лестнице. А потом все выше и выше. Второй, третий этаж, и мы на крыше. Дождь закончился, но я не уверена, что его остановил бы какой-то дождь. Я стою у него за спиной, чувствуя себя маленькой букашкой на раскрытой ладони Перриша, который рассматривает меня с любопытным азартом, прежде чем начать отрывать крылышки и лапки. Весь прикол в том, что ассоциация возникает, когда я просто смотрю на его темноволосый затылок и мощную линию шеи в вырезе темного свитера. Страшно представить, что будет, когда он обернется... Мурашки покрывают кожу, но дело не только в ледяном ветре, который дует с озера.

— Здесь прохладно, — произносит он, не оборачиваясь. — Твое платье такое тонкое. Ты замерзла?

— Немного, — тихо отзывается я, не замечая потрясающего пейзажа внизу. Дом находится на холме, и вид отсюда открывается сногшибательный. Я знаю... Знаю, потому что была здесь не раз. Я не успеваю даже моргнуть, когда он одним резким движением снимает с себя свитер и накидывает мне на плечи. О черт! Идти следом за ним и игнорировать знакомый аромат его парфюма со свежими морскими нотками было гораздо проще. Сейчас же я окутана им, и я задыхаюсь. В прямом и переносном смысле.

— Иди сюда, — снова зовет он, глядя вниз и протягивая мне свою руку. Я автоматически хватаюсь за нее, делая шаг вперед. Мы на самом краю. Не смотрим друг на друга. Я просто не хочу, а он — не знаю. Мое сердце так стучит, что я чувствую, как оно бьется о ребра.

Я ненавижу тебя, Рэнделл Перриш, за то, что не могу послать тебя к черту прямо сейчас. За то, что перед нами ограждение высотой по пояс, иначе я бы столкнула тебя вниз и ушла, даже не обернувшись. Но ты знаешь, ты всегда готов. Тебя это даже забавляет — все мои кривляния и попытки не выглядеть жалкой и трясущейся от страха.

— *Посмотри, Лиса. Что ты видишь?* — мягким приглушенным голосом спрашивает Рэнделл. Он перемещается и теперь стоит за моей спиной. Горячие ладони с длинными пальцами на моих плечах. Черт, он же не сбросит меня вниз? Он может, я знаю... Боже, нет. Я всхлипываю, проглатывая слезную просьбу прекратить мои мучения и озвучить то, ради чего он меня вызвал.

— Озеро, берег Канады напротив, порт и серая мостовая внизу. Машины и люди, — бормочу едва слышно. Мой голос напоминает писк пойманной мышки, жалкий, надломленный.

— Ты видишь их отсюда? — тихий вопрос, заданный практически у моего уха, теплое дыхание шевелит волоски на затылке, и я с ужасом чувствую, что мои ноги начинают дрожать от ощущения неминуемой катастрофы.

— Кого? — из-за волнения не улавливаю сути вопроса.

Перриш сжимает мои плечи через свитер, причиняя несильную боль.

— Людей, конечно. Ты видишь их, Алисия?

— Нет, — отчаянно мотаю головой, и его пальцы еще сильнее впиваются в мою кожу.

— Тогда зачем ты говоришь, что они там есть?

— Я просто знаю, Рэн. Мне больно. Пожалуйста... — взмолилась я, пытаюсь обернуться, но он не позволяет, удерживая в исходном положении. Хватка ослабеваает, и теперь он просто мягко гладит ладонями мои дрожащие плечи

— Я не видел тебя четыре года, но знал, что ты там есть... где-то. Лиса, скажи мне... *Ты была счастлива?*

— Да, — я снова всхлипываю, ничего не могу с собой поделать. Слезы текут по щекам, капая с подбородка. И даже соленый ветер не успевает высушить их. — Очень, Рэн. Я очень счастлива.

— И ты помнишь, кто помог тебе обрести это счастье? — я чувствую, как его щека касается моей. Черт, он делает это, кладет голову на мое плечо, словно мы гребаные друзья или любовники, хотя мы никогда не были ни тем, ни другим. Он был королем, а я пешкой, лицом в толпе, которое он выделил, чтобы использовать в своих интересах. Не уверена, что он вообще видел во мне женщину. У этого мужчины не было эмоций и инстинктов. Он — машина, которая делает деньги и идет по головам к вершине социальной лестницы.

— Я помню, Рэн, — шепчу едва слышно.

Он сделает это. Уничтожит меня. Ему даже говорить не нужно. Я знаю. Чувствую. Его щека ощущается неправильно. Она слишком теплая, слишком нежная для мужчины, который родился без сердца. Я не понимаю, зачем я делаю то, что делаю — сгибаю руку в локте и зарываюсь в его темные волосы, перебирая жесткие пряди. Он застывает, но только на мгновение, потом улыбается, я чувствую его улыбку своей щекой, и это совершенно жуткое абсурдное ощущение. Мне кажется, что я делала это раньше, но я точно знаю, что никогда, никогда я не прикасалась к Рэнделлу Перришу, никогда не была так близко к нему, как сейчас. Но было время... Мне стыдно признаться, я мечтала о том, чтобы дотронуться до него, просто дотронуться. Но трахать меня никогда не входило в его планы. Это я должна была трахать того, на кого он покажет пальцем. Причины могли быть разные, но факт оставался фактом. И, приняв истину, я перестала мечтать о его прикосновениях и забыла, что вообще когда-то считала его привлекательным.

То, что он сделал со мной, во что превратил, до сих пор живет во мне, и я мечтаю однажды стать прежней, но только это невозможно. Оттуда, где я побывала, не возвращаются. И я просто делаю вид, что живу с круглосуточной анестезией.

— Что ты хочешь, Рэн? — задаю я самый волнующий меня вопрос.

— Я тоже хочу быть счастливым, Лиса, — медленным, немного задумчивым тоном отвечает он мне.

— И что может сделать тебя счастливым?

— Ты, — просто выдыхает он, и я затаиваю дыхание, пытаюсь переварить услышанное. Понятно, что Перриш ведет свою игру, которую мне сложно понять моим скудным умишком, но на долю секунды это короткое «ты» наполняет меня горечью. Я думаю, что он знал... Знал, что я когда-то чувствовала к нему, и ему нравится, нет, он

испытывает садистское удовольствие, когда бьет в самое уязвимое место, выставя полную дурой. — А теперь задай мне правильный вопрос, Алиса.

— Как я могу сделать тебя счастливым?

— Нет. Попробуй еще, — он отрицательно качает головой.

— Что может сделать тебя счастливым?

И снова чувствую его улыбку. Огни Кливленда, которые хорошо просматриваются отсюда, расплываются перед глазами.

— Этот город может сделать меня счастливым, Лиса.

— Но при чем тут я?

— Мне нужен этот город, Лиса, — в голосе Рэнделла появляются ледяные нотки, и до меня медленно доходит, что именно заставило Перриша вновь обо мне вспомнить. Стоило только его проклятому имени высветиться в моем мобильном, я напрочь забыла о своей настоящей жизни, мгновенно провалившись в грязное, отвратительное прошлое.

— Дело в моем муже... — выдыхаю я потрясенным шепотом.

— Он выдвинул свою кандидатуру на пост мэра. И его рейтинг высок. Он идеальный мэр для города, который я всегда считал своим. И у меня есть человек, который может справиться с этим лучше.

— Я не могу заставить Нейтона отказаться от участия в выборах. Я не вмешиваюсь в его политическую карьеру.

— Тебе и не нужно. Сделай то, что ты умеешь делать лучше всего, — равнодушно отвечает Рэнделл.

— Что?

— Найди мне компромат на него. И я все сделаю сам.

— Мой муж — хороший человек, на которого сложно что-то откопать.

— Не существует хороших людей, Алисия. Нам ли не знать? — иронично ухмыляется Рэн. — У каждого есть

скелеты в шкафу. Трудность в том, чтобы заставить ими поделиться. Эта задача по зубам только жене, любимой женщине. Матери ребенка...

— Как ты смеешь! — яростно бросаю я, задыхаясь от охватившего меня гнева.

— Лиса, твой тон мне не нравится, — его руки с силой сжимают мою талию, оставляя синяки от пальцев. Черт побери, он специально это делает. Если Нейт заметит... Черт, мне придется избегать близости несколько дней.

— Я никогда не пойду на это, — безапелляционно заявляю я.

— Придется, — в притворном сожалении вздыхает Рэнделл.

— Ты опустишься до шантажа?

— Нет. Я могу прямо сейчас решить твою задачу. Выслать один из самых горячих видеофайлов в СМИ, и завтра же от идеального имени твоего мужа ничего не останется, а все потому, что его жена в прошлом была горячей штучкой с неумными аппетитами. Но я не сделаю ничего из этого, Алисия.

— Нет? — недоверчиво произношу я, немного сдвигаясь в сторону, чтобы посмотреть на него, и он позволяет. Я тут же жалею о своем необдуманном поступке, потому что видеть Рэнделла Перриша близко — это слишком, слишком жутко, это потрясает до глубины души. В темных бездонных глазах я вижу свое отражение и что-то еще, пугающее, непостижимое. Совершенные черты его лица в нескольких сантиметрах от моего в этот момент не кажутся обездушенными. И на какой-то короткий миг я действительно верю, что он не хочет этого делать.

— Нет, — отрицательное покачивание головой.

Я заворожено смотрю в стальные глаза, которые сейчас кажутся расплавленным серебряным озером, покрывшимся коркой льда. Сложно представить подобное, но я представляю... глядя на него.

— Я просто скажу ему правду, Алиса.

— Какую правду? — заикаясь, спрашиваю я, чувствуя, как внутри начинает нарастать паническая взрывная волна. — Он тебе не поверит. Нейт любит меня. Что бы ты ни сказал...

— Он поверит. Мне и доказывать ничего не придется. К тому же есть определенные процедуры. Которые выявят правду в два счета.

— О чем ты, черт подери, говоришь? — хмурюсь я.

Рэнделл убирает от меня руки и сует их в карманы черных джинсов. Таким будничным я никогда его не видела. Обычно он выбирал стильные деловые костюмы. Что-то изменилось в нем. Я для него всегда была работой, а на работу положено ходить в костюме, чтобы дать понять, кто из нас босс. Ветер треплет его волосы, бросая темные пряди на глаза. Красивый ублюдок. И безжалостный. Большой на всю голову. Прищурившись, он смотрит на меня, задумчиво улыбаясь. Эта его ненормальная дикая улыбка всегда пугала меня сильнее, чем то, на что был способен его извращенный ум. Я все еще смотрю в мерцающие темно-серые глаза, застигнутая врасплох, запуганная, попавшая под его силовое поле. А потом он поднимает руки к моему лицу, и я открываю рот, чтобы закричать, но с губ срывается беспомощный хрип. В его пальцах черная шелковая повязка, которую он быстро завязывает на моем затылке, погружая меня во тьму. Несколько лет назад то же самое сделал другой мужчина. И я позволила ему... Память несет меня еще дальше, прорвав плотину. Которую я строила долгие годы. И еще одно мужское лицо всплывает в моей памяти, имя, которое я заставила себя забыть. Итан Хемптон. Зеленоглазый блондин с телом атлета и озорной улыбкой. Мое погружение в адскую игру Перриша началось именно с него. С Итана.

— Что теперь ты видишь, Алисия? — хриплый шепот после самого уха и горячее, обжигающее шею дыхание.

— Ничего, — жалко бормочу я, чувствуя, как быстро начинает вращаться вокруг меня темный лабиринт. Я дрожу от нахлынувших воспоминаний, способных разрушить тот образ, который я собирала по крупичкам долгие годы. Мне казалось, что старый кошмар забылся, но Рэнделлу понадобились секунды, чтобы напомнить.

— Маленькая врушка, — мягкий смех заставляет встать дыбом волосы на моей шее. Я чувствую его пальцы в глубоком вырезе платья на спине. Он медленно ведет ими вдоль позвоночника, наслаждаясь моими моральными мучениями. — Скажи, что ты согласна, и я позволю тебе уйти обратно в свою счастливую жизнь, не зная той правды, которую я могу поведать твоему мужу.

— Я не могу предать Нейтона. Только не его. Как ты не понимаешь...

— Но ты уже предала его, Лиса, — мягко, но уверенно произносит Перриш.

— Нет. Никогда. Я никогда не предавала своего мужа, — отчаянно отрицаю я.

— Ты предала его, Лиса, — твердо повторяет Рэнделл, и его голос бьет по оголенным нервам сильнее, чем кнут. Я отчаянно толкаю его, но он перехватывает мои запястья, убирая за спину. Его тело не прижато ко мне вплотную, но мы близко. Мы, мать его, слишком близко, чтобы я могла думать... И тогда он добивает меня всего одной фразой. Чудовищной и абсурдной: — Ты предала его, позволив верить в то, что он является отцом твоей дочери.

Что? Он сумасшедший? Я застываю, слушая, как где-то совсем рядом стучит его сердце. Он живой. Этот ублюдок не из мрамора, как его гребаный пол в гостиной, но мне не легче от открытия, которое я только что сделала. Он молчит какое-то время, давая мне передышку на то, чтобы я могла осмыслить его слова. Но в них нет никакого смысла. Он бредит. Я точно знаю, что родила свою дочь от мужа.